

ВСТРЕЧИ

А. Ленинградская правда. 24/IX 322.

1928 год. лето. Горький, только что приехавший в СССР, живет в Москве, в Мошковом переулке. На ступеньках подъезда, в вестибюле соборника, на лестнице — ожидающие: видимо, студенты, начинающие литературная публичка, молодые рабочие ребята.

Артира Алексея Максимовича помню, в третьем или четвертом этаже. В переднюю выходит хозяйка, стряхивая пепел со своей неизменной египетской шапки, поглаживая усы. Как сейчас помню, — в мягкой, слегка выцветшей, синей рубашке, без галстука. Там внизу вас ждут, Алексей Максимович...

Что? Внизу? Ну, что вы будете делать! Почему внизу? Вот что! Да. Интересуются.—А. М., ценный, ведет нас в комнаты. Кого то посылает вниз, вот уже сюда из столовой, слышно, как гудит лифт, потом голоса в передней. Алексей Максимович встречает пришедших, потом ведет к себе в кабинет нескольких человек, откашливаясь на ходу.

Вся столовая завалена книгами, из полуоткрытой двери в чью-то спальню виден пол, почти сплошь покрытый книгами, книги всюду, — на окнах, на рояли, на стульях. Сюда, в эту скромную квартиру идет со всего Союза книжный поток.

Около часа приходится нам ожидать Горького. Наконец, он провожает своих гостей, заглядывая в лицо одному из них, — несурзному парню с парусиновым портфелем под мышкой.

— Бывает, плохая вещь — но характерная. Бывает — талантище! Так что вы не смущайтесь. Да... Пишите еще, работайте, — а там милости просим, принесите, почтаем... Что-ж, по моему — писать вы сможете. Вот с этим кулаком-то у вас, — того, знаете, грубовато, да...

Уже возвращаясь, сев за стол, обеими руками поддерживая чашку, до половины налитую чаем, говорит:

— Талантов, — чортова уймаща, честное слово... Вот, хотя-бы — указывает он куда-то большим пальцем. — Кочегар с манежового паровоза, да... Не растаете с портфелем, там у него рукописи, бонсея дома оставить... — уже задумчиво: — Это хорошо, если человек так за свою работу прижит... — и уже решительно, прищурившись, быстро: — это хор-шо!

— Ну, а, как написано, Алексей Максимович?

— Разумеется — неважно, да, — неважно, но талантлив, чорт.

Заговорили об учебе начинающих писателей.

— Это вы хорошо придумали, «Литературная учеба» — дело нужное, народ на десяток голов вырос, его надо учить очень, понимаете, интересно, что бы он сам, — понимаете, сам! А?

Потом он вспоминает какую-то одну рукопись, потом другую, третью. Рассказывает содержание наиболее интересных, сообщает биографические данные об авторах.

— Поражен... — напоследок говорит он. — Или возьмите — провинцию. Сибирь, — ведь вчера еще — каторга, да... Теперь «Сибирская энциклопедия» своя... Вот прислали...

Он встает, захватывает с собой очки и скрывается в соседней комнате. Вернувшись, протягивает большой том — синий коленкоровый переплет, художественное тиснение:

— Как издали, черти драповые!... Вот тебе и каторжная Сибирь, а? Нет, такие талантищи пошли, — чорт их не знает...

**

Недавно мне довелось быть в театре им. Вахтангова на генеральной

репетиции новой пьесы Алексея Максимовича — «Егор Булычев и другие». Он сидел и не отрываясь смотрел на сцену. Там стояли замечательные декорации, на сцене двигались и разговаривали отличные актеры, великолепный Булычев говорил свои грубые, злые монологи, — и выражение лица у Горького было такое, словно это не он писал замечательную пьесу, а кто-то другой, и к этому другому следует отнестись строже, чем ко всякому другому, — так требователен был взгляд Алексея Максимовича.

После репетиции, когда и актеры, и режиссеры, и немногочисленная публика собрались в небольшой комнатке, Алексей Максимович снял очки, положил их перед собою на стол и, вставляя в мундштук очередную папиросу, заговорил:

— Ну... Драмодел-то я очень неважный... Плохой драмодел...

По рядам собравшихся пробежал легкий смешок.

— Уверю вас... — серьезно забеспокоился «старик», пристально вглядываясь в Щукина, который играл Булычева. — Серьезно, пьеса писать не умею... Да-да... Не моя профессия...

Потом он оправился от смущения и начал разбирать типы и характеры и он так обрисовал каждый из них, что пьеса как бы вторично заиграла и расцвела.

Если час назад Горький поразила всех яркостью образов — то сейчас он блеснул глубиной их понимания.

«Плохой драмодел»... — всем бы нам быть такими плохими драмоделами!

И потом по дороге домой он несколько раз вспоминал:

— Да, хорошие, очень хорошие ребята... Талантливые... А? Видали, как у нас? — с оттенком какого-то хвастовства спрашивал он. И в самом деле, прихвастнуть было чем.

*
*
*

Нам надо учиться его внимательности, его уменью радоваться талантливому, свежему человеку. Пожалуй, он в литературе лучше всех и полнее всех понял принцип социалистического соревнования: подтягивать отстающих, чтобы общим, развернутым фронтом идти против предрассудков, традиций и остатков прошлого во имя героического настоящего и замечательного, коммунистического будущего.